

и в районе пограничных с СССР областей. Важнейшими из них были этнические чистки в Белоруссии и на Кавказе, а также массовые депортации народов Казахстана и Узбекистана. Важно отметить, что эти мероприятия были проведены не только в рамках операций НКВД, но и в результате действий других государственных структур, включая МВД и КГБ.

А. Савин

ЭТНИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ ИЛИ «СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ»: ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «НАЦИОНАЛЬНЫХ» ОПЕРАЦИЙ НКВД 1937–1938 гг.

Вопрос об этнической составляющей Большого террора относится к одной из наиболее острых дискуссионных проблем советской истории периода сталинизма. Привлекательность исторических исследований так называемых «национальных», или «линейных»¹, операций НКВД 1937–1938 гг. обуславливается, с одной стороны, актуальностью национальной парадигмы в XX в. как в СССР, так и в мире в целом; с другой стороны, изучение «национальных» операций является ключом к пониманию специфики эволюции советской имперской и сталинского режима в 1930-е гг. Историков, в той или иной степени высказывавших свою точку зрения по поводу этничизации карательной политики советского государства в конце 1930-х гг., можно разделить на две группы: одни безоговорочно выступают за прерогативу критерия этничности, другие настаивают на более дифференциированном подходе и полагают, что под флером «этничизации сталинизма» в первую очередь скрывались традиционные социальные причины репрессий².

Адекватная интерпретация национальных операций НКВД невозможна без короткого экскурса в первые годы советской власти. Художник Юрий Анненков вспоминал, как во время позирования Ленин поделился с ним своими взглядами на ликвидацию неграмот-

¹ Термин чекистского языка 1937–1938 гг. происходит от выражений «репрессии по национальным линиям», «операции по национальным линиям» и т. д.

² Обзор историографии см.: Mick C. Die Ethnisierung des Stalinismus. Zur Wirksamkeit ethnischer Kategorien bei der Sowjetisierung der Westukraine 1944–1948 // Moderne Zeiten? Krieg, Revolution und Gewalt im 20. Jahrhundert / J. Baberowski (Hrsg.). Göttingen, 2006. S. 145–173; Savin A. Ethnification of Stalinism? Ethnic Cleansings and the NKVD Order № 00447 in a Comparative Perspective // Ethnic and Religious Minorities in Stalin's Soviet Union: New Dimensions of Research / Kotljarchuk, O. Sundström (eds.). Stockholm, 2017. P. 47–66.

ности: «...наш лозунг “ликвидировать безграмотность” отнюдь не следует толковать как стремление к нарождению новой интеллигенции. “Ликвидировать безграмотность” следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи, читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель – вполне практическая. Только и всего»³. В области национальной политики большевики действовали так же, как и в сфере «культурной революции», а именно как pragmatики и реалисты. В годы революции и Гражданской войны они извлекли максимум выгоды из центробежных процессов на окраинах бывшей империи и инспирировали их по мере сил. Представления большевиков о будущем конструкте советского государства были гибкими и открытыми. Как констатирует Николаус Катцер, даже отказ от бывших имперских владений в пользу «врагов России» не был для нихtabu, когда речь шла о собственном выживании. Ленин не страшился заключать такие унизительные договоры, как в 1918 г. в Брест-Литовске и в 1921 г. в Риге. Границам стали придавать значение только тогда, когда военная победа большевиков стала фактом, а вопрос о мировой революции был снят с повестки дня и отложен на далекое будущее⁴.

После окончания широкомасштабной Гражданской войны большевики продолжили с успехом осуществлять свой «национальный проект». Главной задачей национальной политики большевиков была советизация жизни национальных меньшинств в интересах создания социалистического общества. Большевики подошли к ее решению сугубо pragматически, когда посчитали, что «национально ориентированный» вариант советизации будет наиболее действенным. Другими словами, они вновь инструментализировали национализм в своих интересах. Однако специфические «инструменты» осуществления национальной политики, широко применявшиеся в 1920-е гг., – генерация национальных партийно-советских элит, «коренизация» органов власти, национально-территориальное административное строительство, которое привело к «расселению» этносов по своим «национальным квартирам» в виде союзных и автономных республик, областей и национальных районов, а также развитие и

³ Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 270.

⁴ См.: Катцер Н. Империя без царей: имперские представления в русском антибольшевизме // Империя, нации, регионы. Имперские концепции в России и Германии в начале XX века. Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Т. 8 / под ред. А. Чубаряна, А. Виршинга. Мюнхен, 2017. С. 116–129.

широкое использование национальных языков в сфере образования, науки и культуры – оказались малоэффективными для решения поставленной задачи в условиях дефицита исторического времени, разделившего конец Гражданской войны и начало сталинской революции сверху⁵.

Сопротивление, которое национальная деревня оказала колективизации, наглядно продемонстрировало партийно-советскому руководству СССР низкую эффективность национальных инструментов советизации в новых условиях. В результате именно коллективизация стала той точкой бифуркации, которая обусловила амбивалентность в сфере советской национальной политики в 1930-е гг. Эта амбивалентность характеризовалась, с одной стороны, постепенным «сворачиванием» этнического многообразия и дрейфом в направлении национал-большевизма с его русификаторскими тенденциями. С другой стороны, движение в сторону национал-большевизма не привело к отказу от двух главных «китов» советской национальной политики – национально-территориального административного строительства и развития национальных языков и культур. В результате даже в своем усеченном виде советская национальная политика продолжала производить настолько позитивное впечатление, что довоенный СССР воспринимался западными историками, такими, как Марк Мазовер, как «истинный наследник империи Габсбургов»⁶. Терри Мартин, очарованный национальной политикой большевиков, разработал концепцию СССР как «империи позитивной дискриминации» (в некорректном переводе на русский в заголовке книги речь идет об «империи положительной деятельности»)⁷. В свою очередь Юрий Слезкин заявил о «хронической этнофилии советской власти» и «серьезности борьбы большевиков за этническую обособленность»⁸.

Так называемые «национальные операции» НКВД 1937–1938 гг., жертвами которых, по последним оценкам, стали около 350 тыс. че-

⁵ См.: Brandes D., Savin A. Die Sibirische Deutschen im Sowjetstaat. 1919–1938. Essen, 2001; Деннингхаус В. В тени «Большого Брата». Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). М., 2011.

⁶ Цит. по: Швартц М. Распад империи – триумф национализма? Модели нового государственного порядка в Восточной Европе, России и Малой Азии, 1912–1923 // Центры и периферии европейского мироустройства / под ред. А.В. Доронина. М., 2014. С. 351.

⁷ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

⁸ Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review, Vol. 53, № 2 (Summer 1994). P. 414–452.

ловек, являлись, наряду с первыми довоенными депортациями национальных меньшинств из приграничных регионов СССР, знаковым выражением амбивалентности советской национальной политики 1930-х гг. Согласно широко распространенной точке зрения, именно в ходе «национальных» операций наиболее ярко проявились абсурдность, произвол и слепота Большого террора, когда приоритетным моментом в выборе жертв выступал не мотив индивидуальной вины осужденных, и даже не социальное происхождение, а только принадлежность к этнической группе, в отношении которой союзным центром было принято репрессивное решение.

Контраст «национальных» операций с предыдущей национальной политикой 1920-х и даже 1930-х гг. оказался настолько резким и нелицеприятным, что неоднократно ставил историков в тупик. Так, уже упоминавшийся Юрий Слезкин в своем знаменитом эссе предпочел практически игнорировать вопрос о месте и роли операций НКВД по «национальным линиям» и не стал объяснять, каким образом якобы «этнофильский» большевистский режим неожиданно превратился в «этнофобский». Главным выходом из этого тупика, особенно в западной историографии, стала концепция этнизации сталинизма. Согласно этой концепции, если в годы революции, Гражданской войны и нэпа большевики считали своими главными врагами представителей чужих «эксплуататорских» классов и групп, то уже в 1930-е, и особенно в 1940-е гг. главными жертвами сталинского режима стали национальные меньшинства и «враждебные» этнические группы. Таким образом, национальный аспект якобы получил в сталинской репрессивной политике приоритет над социальным аспектом, произошла «этнизация врага», а обвинение во враждебной деятельности выдвигалось в отношении ряда этносов *a priori*.

В качестве определенной квинтэссенции позиции сторонников тезиса этанизации сталинизма можно расценивать соответствующую аргументацию Йорга Баберовского. Известный немецкий историк утверждает, что сталинское руководство идентифицировало население не только по социальному, но и по этническому признаку, иначе говоря, для него существовали не только классы, но и нации с неизменными признаками. Чем более отсталой была нация до революции, тем более пролетарской и передовой она воспринималась, и наоборот. Таким образом, «восточные» национальности считались наиболее революционными, а «западные» (немцы, поляки, евреи) – наиболее контрреволюционными. «Нет ничего более удаленного от действительности, чем представление о том, что национальная принадлежность ничего не значила для большевиков», – отмечает Й. Баберовский. Следуя своему представлению о нации как о культурной

общности, связанной единой судьбой, большевики полагали, что как у «бывших» не было возможности изменить свое социальное прошлое и стать настоящими пролетариями, так и у представителей «контрреволюционных» наций не было возможности сменить нацию на «революционную»⁹. Еще один яркий представитель теории этнизации сталинизма – Тимоти Снайдер. Как отмечает в своей острой критической рецензии Юрген Заруски: «Этнизация сталинской репрессивной политики является главной чертой книги Снайдера»¹⁰. Представители тезиса этанизации сталинизма предлагают рассматривать 1937 г. как год социальной чистки и 1938 – как год чистки этнической. «Действительно, лишь совсем немного преувеличиваая, – пишет Терри Мартин, – можно сказать, что к ноябрю 1938 г. „Большой террор“ перерос в этнический террор»¹¹.

Таким образом, применительно к Большому террору можно говорить о том, что тенденция этанизации карательной политики сталинизма была налицо, одним из ее главных признаков стало вычленение целой группы «неблагонадежных народов». Причиной такого развития стала неудача, которую потерпел в ходе колLECTIVизации проект «национальной советизации», а также боязнь «пятой колонны». Однако этанизация карательной политики была непоследовательной и переживала постоянные рецидивы возврата к традиционным социальным (классовым) и политическим мотивам репрессий. Критерий этничности действительно стал играть определенную роль в селекции жертв в ходе массовых операций НКВД, однако в СССР не произошло коренной смены парадигмы в направлении доминирования этничности вплоть до ее абсолютизации в форме биологизации террора, как это было в национал-социалистической Германии в случае с евреями, а также синти и рома.

Дальнейшие перспективы изучения «национальных операций» связаны с новыми документальными источниками, которые доступны для исследователей главным образом в архивах стран – правопреемниц бывших советских республик. Так, существенное приращение эмпирических данных о реализации «немецкой» операции

⁹ Baberowski J. Der rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus. München, 2003. S. 195–196. В свою очередь Терри Мартин пишет о «сталинском примордиализме», характеризуя убеждение вождя в том, что людям, принадлежащим к одной этнической общности, изначально и навсегда присущ некий набор культурных свойств.

¹⁰ Zarusky J. Timothy Snyder's "Bloodlands". Kritische Anmerkungen zur Konstruktion einer Geschichtslandschaft // Vierteljahrsshefte für Zeitgeschichte. Januar 2012. N. 1. S. 1–32.

¹¹ Мартин Т. Указ. соch. С. 463.

НКВД ожидается в результате введения в научный оборот огромного комплекса документов из Отраслевого государственного архива СБ Украины¹².

В свою очередь Марк Юнге и его соавторы, изучая массовые операции НКВД на территории Грузии, выработали концепцию о новом качестве взаимоотношений московского центра и периферии в 1937–1938 гг. Немецкие исследователи продемонстрировали, что московский центр, несмотря на свое маниакальное стремление к контролю, был вынужден делегировать часть своих неотъемлемых карательных полномочий периферии во имя достижения поставленных целей. Произошла, как убедительно доказывают авторы, «регионализация» карательной политики. В результате местные элиты, в данном случае партийно-государственное руководство Грузии, обрели в 1937–1938 гг. «свободу рук», которую использовали в интересах гомогенизации грузинской нации, организовав широкую чистку в отношении абхазов, адjarцев и осетин¹³. В итоге чистки, происходившие в Грузии, были отнюдь не тождественны «классическим» национальным операциям, таким, как «польская» или «немецкая», но обладали своим новым качеством.

Молодая исследовательница из Новосибирска Наталья Потапова на основании документов ЦА ФСБ, Отраслевого государственного архива СБ Украины и ряда архивов УФСБ РФ сформулировала научную гипотезу о том, что в начале 1938 г. органы НКВД осуществляли в соответствии с директивами НКВД СССР № 302 и № 306 так называемую «смешанную» операцию, в рамках которой репрессиям подвергались немцы, поляки, китайцы, корейцы, латыши, греки, «харбинцы» и другие группы населения, в отношении которых уже шли репрессивные кампании в соответствии с оперативными приказами НКВД СССР. В результате, как утверждает Потапова, произошла интенсификация репрессий в отношении неблагонадежных национальных групп населения. В случае, если эта гипотеза подтвердится, наши представления об этнической составляющей Большого террора получат определенную корректировку¹⁴.

¹² «Большой террор» в Украине: немецкая операция 1937–1938 годов. Сб. док. / сост. А. Айсфельд, Н. Сердюк. Киев, 2018 (в печати).

¹³ См.: Большевистский порядок в Грузии. В 2 т. Т. 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / под ред. М. Юнге, Б. Бонвеча, Д. Мюллера. М., 2015. См. также острую дискуссию, развернувшуюся вокруг тезиса авторов об использовании Большого террора как инструмента гомогенизации грузинской нации: Грузия в пути: тени сталинизма / под ред. М. Юнге, Б. Бонвеча, Д. Мюллера. М., 2017.

¹⁴ Потапова Н.А. Механизмы, целевые категории и масштабы «харбинской» операции НКВД СССР 1937–1938 гг. в Украине // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2017. № 1 (47). С. 87–112; Она же. «Национальные» операции НКВД СССР в

Новые эмпирические данные о событиях 1937–1938 гг. еще раз подтверждают всю многомерность Большого террора и неспособность адекватно объяснить травматическое советское прошлое посредством «очевидных» черно-белых интерпретаций, которые не опираются на солидный фактический фундамент и ограничивают исследовательский ракурс исключительно политикой центра, не говоря уже о транспозиции научной дискуссии в политическую сферу.